

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФОРМЫ СООБЩЕСТВ ПО ВЫПАСУ СКОТА. ПАСТУШЕСТВО

1. ФОРМЫ СООБЩЕСТВ ПО ВЫПАСУ СКОТА

В истории Армении, как уже было отмечено в первой главе, вторая половина XIX в. характеризуется пропихиванием капиталистических отношений в деревню и усилением процесса расслоения крестьянства. В этих условиях хозяйство армян, прежде замкнутое полунатуральное, стало связываться с рынком и постепенно приобретало черты товарного хозяйства. Однако процесс ломки старинной патриархальной замкнутости шел медленно, что в известной мере объясняется сохранностью общинных устоев в армянской деревне.

Интересные материалы дает в этом отношении изучение сообществ по выпасу скота («*աւարի համայնք*», «*ընդհրդ. թիւ*» и др.), которые были широко распространены в быту армян вплоть до коллективизации.

Ряд исследователей крестьянского быта народов Закавказья в своих работах указывали на распространенность сообществ по выпасу скота у закавказских народов¹, однако ни

у одного из них, за исключением С. А. Егиазарова и Ц. Н. Бжания, они не были предметом специального изучения. Материалы показывают, что системы организации выпаса крупного и мелкого рогатого скота значительно отличались друг от друга.

Основным принципом, лежавшим в основе организации сообществ по выпасу скота, известных в крестьянском быту армян во второй половине XIX—начале XX вв., был принцип территориальный. Однако выясняется, что, помимо этого принципа, и другие факторы играли значительную роль при их организации. Наибольшим разнообразием отличались сообщества по выпасу мелкого рогатого скота, сравнительное изучение которых дало основание для выделения следующих основных форм: 1—сообщества родственников, равных по своему имущественному положению; 2—сообщества соседей, также равных по своему имущественному положению; 3—сообщества соседей и родственников, различных по своему имущественному положению.

Выделение этих трех форм условно, ибо в действительности различные формы сообществ связаны друг с другом рядом переходных ступеней, которые позволяют проследить процесс перерастания одной формы в другую. Однако оно необходимо, прежде всего, для правильного определения места и характера этих сообществ у армян в рассматриваемый период.

Сообщества родственников, равных по состоянию

Сообщества этой формы составлялись исключительно из числа ближайших и дальних родственников для ведения скотоводческого хозяйства и включали от 4 до 8 семей, при этом объединялись, как правило, зажиточные и середняцкие хозяйства. Размер сооб-

¹ См. С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шорагале..., стр. 48; А. М. Аргутинский, Экон. быт гос. крестьян Сягнахского уезда Тифлисской губернии, МИЭБГКЗК, т. IV, стр. 278; Н. А. Абелое, Экон. быт гос. крестьян Геокчайского и Шемахинского уездов Бакинской губернии, там же, т. VI, стр. 17; А. Е. Хан-Агое, указ. раб., стр. 304—305; А. Г. Деконский, Экон. быт гос. крестьян в Шупинском и Джебраильском уездах..., стр. 283; А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда..., стр. 231; А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 88 и сл.; С. А. Егиазаров, Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община, ч. I, Кааань, 1889, стр. 190—198; Ц. Н. Бжания, указ. раб., стр. 77—90 и др.

шествия обычно ограничивался возможностями создания одного стада в 500—600 овец. Такие сообщества засвидетельствованы нами в ряде селений Тавуша, Сюника, Вайоц-дзора, Лори и Арцаха в рудиментарной сохранности. Причем интересно, что именно в тех селениях, где практиковался отгон скота на сезонные пастбища.

Анализ состава отдельных групп крестьян, селившихся на летних пастбищах и зимовниках на одном и том же месте, свидетельствует о постоянстве членов сообществ. Так, в с. Дсех (Лори) в 90-х годах прошлого столетия группы родственных семей из года в год организовывали сообщества по выпасу скота. В зимовнике Ахети совместно держали скот близкие родственники Татул, Саро, Григор Харатяны и их дальний родственник Аслан Маджиян. В зимовнике Хндзорохси (того же селения) совместно держали скот двоюродные братья Аршак, Тиграш и Соси Ваняны. Однако в распоряжении крестьян с. Дсех имелись и зимовники, которые были в пользовании крестьян, не находившихся в родственных связях, как, например, Ацут, Бематала и др.²

В летний же период члены одного и того же сообщества селились вместе, занимая либо отдельную стоянку, либо часть ее. Крестьяне с. Ваагни (Лори) селились на летовках родственными группами, составляя отдельные бина³, как, например, Кочиянц бина, Вардманц бина, Оацац бина, Кахацц бина и др. На летовках крестьян с. Малышка (Вайоц-дзор) также различали — Карахапанц оба, Мусоецц оба, Шахбазенц оба, Асоецц оба и т. д.⁴

Аналогичные материалы собраны и в ряде других селений Лори, Тавуша, Вайоц-дзора, Сюника и Арцаха⁵. Анализ этого материала показывает, что члены сообщества, составленного из родственников, имели равные права и обязанности, руководящую роль в нем играл самый опытный в пастушеском деле и наиболее уважаемый в данном азге (пагрошмин) человек, которого называли, обыкновенно, *մեծ րեկեր* (меч ыкер, арм., букв. «старший товарищ»). При этом он мог быть и не самым богатым членом сообщества.

Нами засвидетельствованы две разновидности рассматриваемой формы сообщества — полная и неполная.

Полная форма сообщества имела место тог-

да, когда члены сообщества складывали весь скот (как крупный, так и мелкий), находившийся в их распоряжении, и сообще содержали его. Очень часто обходились без найма пастухов на стороне; от каждой семьи выделялось по одному человеку, которые и вели уход за различными группами скота. Члены сообщества вместе поднимались на летние пастбища, где на одной стоянке сообще строили для каждой из семей жилые и хозяйственные помещения. Подобное сообщество родственников засвидетельствовано в с. Ваагни и называлось *շամիրր* (джамбир, азерб., букв. «приравнять скот»). У членов сообщества могло быть различное количество крупного и мелкого рогатого скота и для «правильного счета» обычно пять голов мелкого рогатого скота приравнивали к одной корове и, таким образом, устанавливали общее поголовье скота отдельных членов сообщества. Последние должны были обладать примерно равным количеством скота.

Неполная форма сообщества имела место тогда, когда члены его складывали только мелкий рогатый скот, а для содержания крупного скота вместе с другими членами сельского общества занимали пастухов на стороне. Обязательным условием членства являлось обладание примерно равным количеством скота. Если же у кого-либо из членов было меньше овец, то последний брал недостающее количество скота у своего обедневшего родственника или соседа и присоединял к своему стаду.

Некоторые этнографические параллели мы находим и у других народов Закавказья. Так, Н. А. Абелов указывал на существование в 80-х годах прошлого столетия у азербайджанцев товариществ по выпасу скота, так называемых «дангя», каждое из которых состояло из совокупности родственных семей⁶. К сожалению, автор не дает подробной характеристики описываемых сообществ, и остается неясным имущественное положение входивших в их состав родственных семей.

У абхазов, по свидетельству Ц. Н. Бжания, в первой половине XIX в. широко была распространена форма сообщества, в котором объединялись ближайшие родственники и где отношения между всеми членами были равноправные⁷.

Немаловажную роль при организации сообществ по выпасу скота имели и интересы самозащиты и безопасности, ибо на летних пастбищах Армении, куда стекался скот из многих губерний Закавказья, согласно многочисленным сведениям, процветало скотокрадство⁸.

² См. Ю. И. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папка №7, стр. 36, АОЭ.

³ Бина — летовка. В данном случае этот термин означает квартал внутри летовки.

⁴ См. Ю. И. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папка №7, стр. 81—82; папка №12, стр. 28—29, АОЭ.

⁵ См. там же, папки №№ 1, 4, 6, 7, 10—15, АОЭ.

⁶ См. Н. А. Абелов, указ. раб., стр. 108—109.

⁷ См. Ц. Н. Бжания, указ. раб., стр. 79.

⁸ См., например, А. Г. Деконский, Экон. быт гос.

Поэтому составление коллективов было необходимо для обеспечения целостности и сохранности выпасаемых стад.

Сравнительное изучение данных этнографии показывает, что сообщества, составленные из родственных семей, сохранялись как раз в тех селениях, население которых практиковало отгон скота на сезонные пастбища, это преимущественно горные и предгорные районы Тавуша, Лори, Арцаха, Сюнна, Вайоц-дзора и др. И, по-видимому, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в большей сохранности традиции семейной общины и азговых отношений в указанных районах. Родственные семьи были локализованы здесь в пределах одного и того же квартала села⁹, и нередко общинные отношения проявлялись в форме родственных. Изучение сообществ этой формы представляет большой интерес и в том отношении, что выявляет некоторые архаичные формы общественных отношений у армян, и в будущем, пользуясь ретроспективным методом исследования, возможно, удастся восстановить некоторые древние формы хозяйственных объединений.

В ряде селений (Дзорагех, Вагнин, Аджи-хара, Тала, Малпшка и др.) нами были зафиксированы сообщества, состоявшие как из родственников, так и из соседей, примерно равных по своему имущественному положению¹⁰; причем в одних сообществах преобладали родственные семьи, в других же — соседские. Факт принятия в сообщество не родственника мог быть продиктован как хозяйственными соображениями, так и возможными ссорами между родственными семьями. Здесь мы как бы имеем сообщество переходной формы — от первой ко второй.

Сообщества соседей, равных по состоянию.

Эта форма сообщества была наиболее распространенной в армянской деревне второй половины XIX в. Отличие ее от первой состоит в том, что сообщества составлялись из соседских хозяйств, примерно равных по своему имущественному положению. Здесь также имело место равенство всех членов, хотя оно уже скорее формальное, поскольку во главе сообщества стоял обычно наиболее состоятель-

ный из соучастников и при решении таких вопросов, как определение мест летовок и зимовок, наем пастухов и т. п., решающее слово было за ним.

Исследователь быта армян Арцаха А. Г. Деконский писал в 80-х годах, что «в основе деления домохозяев на группы (по выпасу скота.—Ю. М.) лежит обыкновенно или родственная связь между дымами или сожителство в одном отселке¹¹. Члены таких групп делили между собой расходы по найму и содержанию пастухов, плата же за пользование летними пастбищами распределялась между всеми членами общины, пропорционально количеству скота, принадлежавшего каждому из них

В с. Сарухан (Гехаркуник) середняцкие хозяйства составляли несколько сообществ по выпасу скота, в каждом из которых объединялись семьи, жившие в одном квартале. Каждая из семей-участниц могла отделиться от одной группы и присоединиться к другой, в этом ей никто не мог помешать.¹² А. А. Калантар писал, что у армян «каждый из скотоводов является равноправным и самостоятельным хозяином и вступает в разные соглашения и сделки по свободному своему желанию»¹³. У курдов и части азербайджанцев такая свобода была сильно ограничена особенностями форм пользования пастбищами, при которых пастбища делились на участки и закреплялись за отдельными группами, что не практиковалось в армянской деревне. Поэтому, если у армян сообщество по выпасу скота объединяло лишь скот кооперирующихся крестьян, то у кочевников также и определенные угодья.

Другая особенность этой формы сообщества у армян состояла в том, что при его организации крестьяне нанимали пастухов на стороне — из числа курдов и азербайджанцев¹⁴. Это было связано с тем, что ведение земледельческого хозяйства вынуждало поручать содержание скота посторонним лицам; то обстоятельство, что курды и азербайджанцы были искусными скотоводами, также имело немаловажное значение при их найме. Нередки были случаи, когда пастухи-курды вместе со своими семьями переселялись в армянскую деревню и жили в помещенных, предоставленных

крестьян в западной части Шаруро-Даралагязского уезда..., стр. 673.

⁹ См., например, Т. В. Чардашян, *Հանրային և անհատական հարաբերությունները*, стр. 102; Э. Т. Карапетян, *Пережитки патристических отношений у армян (вторая половина XIX и начало XX вв.)*, М., 1964, стр. 3 и др.

¹⁰ См. Ю. И. Мкртумян, *Полевые этнографические материалы*, папка № 7, стр. 62, АОЭ.

¹¹ А. Г. Деконский, указ. раб., стр. 283.

¹² См. Ю. И. Мкртумян, *Полевые этнографические материалы*, папка № 3, стр. 21, АОЭ.

¹³ А. А. Калантар, *Алагеаские казенные летние пастбища...*, стр. 90.

¹⁴ См. С. П. Зелинский, указ. раб., стр. 46—50; А. В. Паревский, *Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Новобаязетского уезда*, стр. 328—341; Ю. И. Мкртумян, *Полевые этнографические материалы*, папки №№ 2, 3, 8 и др., АОЭ.

ним одним из членов сообщества. Пастухи-курды кормились за счет нанявших их семей поочередно: число дней, в течение которых пастухи кормились в той или иной семье, зависело от количества скота, принадлежавшего ей. Исчисление производилось следующим образом: за каждые 5 овец нужно было прокормить пастуха один день. В некоторых случаях пастухи жили за свой счет, а в конце договорного срока получали полагавшееся количество скота¹⁵.

В ряде селений сообщества по выпасу скота составлялись и из маломощных хозяйств, как, например, в сс. Гидеваз, Мартирос, Ехегис и др. (в Вайоц-дзоре). 10—15 бедняцких хозяйств, составивших сообщество, нанимали пастухов и содержали свой скот на ближайших горных пастбищах¹⁶, так как перегон скота на отдаленные пастбища был связан с большими трудностями и к нему прибегали по большей части состоятельные хозяйства. Следует, однако, указать, что в тех случаях, когда сообщества составлялись из зажиточных или середняцких хозяйств, то от некоторых семей в пастухи выделялось по одному человеку, поэтому последние обходились без найма пастухов со стороны. И. Григоров писал, что жители с. Татев с наступлением пастбищного сезона в горах, «разделившись на несколько групп, выходили на ближайшие горные ущелья. Если в семье есть несколько братьев, то один из них (обыкновенно меньший) с женой и детьми отправляется на кочевье, где проводит все лето»¹⁷.

Некоторые, хотя и весьма скудные, сведения можно извлечь из трудов армянских историков. Так, в «Историографии» армянского историка конца XVII в. Закария Канакерни мы находим интересное сообщение о существовании у армян сообщества по выпасу скота, состоявшего из трех членов, каждый из которых шел в пастухи. «А после (Шах-Аббас.—Ю. М.) спрашивает: мать моя, есть у тебя муж? Женщина отвечает: есть, но он пастух и пасет овец. Шах спрашивает: ваши овцы или чужие? Женщина отвечает: есть и пашп и чужие, потому что их три товарища и вместе их содержат»¹⁸. Несмотря на значительную неопределенность этой выдержки, она позволяет сделать ряд вы-

водов относительно характера данного товарищества. В нем, видимо, были объединены более или менее состоятельные хозяйства. Данные этнографии определенным образом свидетельствуют о том, что именно зажиточные или середняцкие семьи посылали в пастухи одного из своих членов. Больше того, по свидетельству Закария Саркавага, члены сообщества назывались «րիկեր» (арм., букв. «товарищи»), а товарищами как раз назывались те члены, которые обладали примерно равным количеством скота. Данное сообщение Закария Саркавага позволяет утверждать, что сообщества по выпасу скота имели место и в средневековой Армении, что указывает на традиционность этого института в быту армян. Из этого сообщения нам остается неясным, в каких родственных связях находились члены данного сообщества, но, по всей вероятности, здесь мы имеем дело с сообществом второй формы. Малый же состав сообщества объясняется тем, что описываемый Закарием Саркавагом эпизод имел место осенью, т. е. в то время, когда производили обыкновенно разделение стад для лучшей организации выпаса скота и его случки. По выражению 78-летнего жителя с. Карзах (Джавакх) Ашота Амбарцуми Авакяна, осенью «մեկ սիրտն երեք սիրտն էր գնում» («одно стадо делилось па три стада»)¹⁹, что было наиболее целесообразной формой организации содержания скота.

Сравнительный этнографический материал показывает, что подобные сообщества были известны и другим народам Закавказья. Большое сходство с вышеописанной формой сообщества имеет временное объединение на летних пастбищах у мегрелов, так называемое «амханагоба» (груз., букв. «товарищество»), в котором каждый член вел на летовке свое индивидуальное хозяйство, но выпас скота производился совместными усилиями²⁰.

У курдов также были известны сообщества по выпасу скота, составленные из общинников, не находившихся в родственных отношениях. В работах С. А. Егиазарова и В. Никитина²¹ мы находим ценные материалы по интересующему нас вопросу. В. Никитин выделяет два типа оба у курдов: 1) оба, основанная на принципе абсолютного равенства вступивших членов (джол), которые сообща ведут переговоры с пастухами и псют все расходы пропорционально числу скота у каждого, и 2) оба, возникшая через допуск в свое стадо одним

¹⁵ См. Ю. И. Мкртумян, там же.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ И. Григоров, указ. раб., стр. 87; А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 100.

¹⁸ «Են յնոյ (Շահ-Արաքսի Կ. Մ.)՝ առէ, մայր իմ՝ գոյ րեկ այր: Ասէ կինն, գոյ, բայց հոգի է և արաւիկ զհաշինս: Ասէ Շահն, Լե՛ր են ոչխարն, եթն այլոց: Ասէ կինն՝ գոյ մեզ՝ և այլոց եւ, զի Գրեկեր են և ի միասին պահեն. . . » (См. Չարարիւն Քանութեան, Պատմագրութիւն, Վաղարշապատ, 1870, հատ. Ա, էջ 34):

¹⁹ Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 17, стр. 31, АОЭ.

²⁰ См. Ц. Н. Бжания, указ. раб., стр. 88.

²¹ См. С. А. Егиазаров, указ. раб., стр. 190 и сл.; В. Никитин, Курды, М., 1964, стр. 233—235.

из членов (оба-баши, сер-обе) стад других членов, причем с пастухами договаривается только оба-баши, которому остальные выплачивают установленное вознаграждение²².

Если первый тип оба примерно соответствует вышеописанной форме сообщества у армян, то и второй тип оба также имел свой вариант в армянской действительности. Однако прежде чем перейти к нему, необходимо сделать некоторые выводы относительно вышеизложенного. Если составление сообществ по выпасу скота в том или ином районе было связано с хозяйственными потребностями, то форма этих сообществ отражала особенности всей совокупности общественных отношений. Поэтому, если сообщества родственников сохранились в рассматриваемый период лишь рудиментарно, то сообщества соседей—это характерное для армянской деревни второй половины XIX в. явление. Изучение взаимоотношений, господствовавших в этих сообществах, показывает, что хотя отношения между членами их и равноправные и каждый волен поступать по своему усмотрению, однако при решении важнейших вопросов по содержанию скота решающее слово было на стороне более состоятельного члена. Фактически здесь уже налицо то неравноправие, которое в сообществе, составленном из различных по своему имущественному положению семей, уже выступит более явно. Однако сам факт наличия сообществ, составленных из примерно разных по своему имущественному положению соседских семей, свидетельствует, на наш взгляд, о живучести общинных начал в армянской деревне изучаемого периода.

Сообщества соседей и родственников, различных по состоянию

Эта форма сообщества имела место тогда, когда один из наиболее зажиточных крестьян самостоятельно нанимал пастухов для содержания собственного стада, затем уже к его стаду присоединяли свой малочисленный скот обедневшие члены общины, называвшиеся «*փորձիկ*»²³ (Лори, Сюник, Тавуш и др.) или

²² См. В. Никитин, указ. раб., стр. 233—235.

²³ «Порняк»—арм., в «*Հայկական բնագրական և պատմական հանրագրություն*» Ст. Малхасянца (т. IV, Ереван, 1945 стр. 510) следующее определение: «тот, кто работает на другого с тем условием, что и последний, в свою очередь, работает на него», Термины «похняк» и «похара» рассматриваются здесь как его синонимы. Этнографические материалы показывают, что «порняк»—это, как правило, член сообщества по выпасу мелкого рогатого скота, владелец нескольких голов мелкого рогатого скота. Об этом см. также работу: Ամառյան Ս., Հայկական բնագրական և պատմական հանրագրություն, 1912, էջ 957.

«*ջոլ*»²⁴ (Гехаркуник, Шпрак и др.). Последнее платили известную сумму владельцу стада («*սիրիանի*» или «*սիր-ան*»²⁵), на условиях, не зависящих от условий найма самих пастухов.

Данная форма сообщества получила особенно широкое распространение в последней трети XIX в., когда в армянской деревне шел усиленный процесс расслоения крестьянства. Исследователи экономики Восточной Армении в XIX в. указывают на существование трех основных групп крестьянства: бедняков, середняков и зажиточных²⁶.

В селениях, расположенных в горных и предгорных зонах, где скотоводство имело большой удельный вес в хозяйстве, были семьи, владевшие сотнями голов мелкого и десятками голов крупного рогатого скота. Так, в с. Кицлаг (ныне пос. Ждаиов, Лори) в 90-х годах прошлого столетия Кочаранк имел около 500 овец, 60—70 голов крупного рогатого скота, из них 12 рабочего, 9—10 лошадей. Прилизительно такое же количество скота имели Гамбаранк, Навасарданк и Алавердонк²⁷. В с. Гамзачиман (Лор) своими стадами выделялся Аюп Матинян, имевший три стада мелкого рогатого скота (каждое в 400—450 голов) и одно стадо крупного рогатого скота—до 100 голов. Хозяйства среднего достатка этого же селения имели по 40—45 голов мелкого и 10—12 голов крупного, из них две-три пары рабочего скота. Веднякне же хозяйства—по 10—15 голов овец, 1—2 коровы. По сообщениям информаторов, в с. Гамзачиман, состоявшем в 1894 г. из 97 дымов, было 10—12 хозяйств, не имевших скота²⁸. В исследовании А. В. Парвицкого, посвященном изучению быта населения Гехаркуника, приводятся интересные материалы на этот счет. В то время как зажиточный крестьянин из с. Кулалы (ныне с. Гехаркуни) Агаджан Тер-Кеворков имел 10 голов рабочего скота, 13 коров и телят, более 200 овец и с 1 марта по конец декабря нанимал трех батраков (нокаров), семья Мовсеса Оганесова, будучи лишенной скота, вынуждена была сдавать в аренду свой земельный участок из половины урожая. Сам же

²⁴ «Джол»—букв. «соучастник».

²⁵ «Чобнамер»—от азерб. «чобан» (пастух мелкого рогатого скота) и арм. «мер»—«майр» («мать»), следовательно, «чобнамер»—«мать пастуха», т. е. человек, нянявший и содержавший пастуха. «Джолбаши»—от курд. «джол» («соучастник») и азерб. «баш»—«голова», следовательно, «джол—баш»—«глава джолов» или «глава соучастников».

²⁶ См. примечание 86 на стр. 27.

²⁷ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 7, стр. 3—4, АОЭ.

²⁸ См. там же, стр. 50.

Мовсес Оганесов нанимался в батраки, а его жена шла на поденную работу. Семья среднего достатка Манука Хироева имела 4 вола, 4 коровы, 10 овец, одну лошадь и два теленка; с 1 марта по конец декабря он нанимал одного покла, которого содержал на хозяйских харчах с платой 20 руб.²¹ Аналогичные материалы по Тавушу приводит в своей работе А. Д. Ерицов.²²

Говоря об условиях существования зажиточного крестьянства, В. И. Ленин писал, что «размеры хозяйства здесь превышают в большинстве случаев рабочие силы семьи, и поэтому образование контингента сельских батраков, а еще более поденщиков, есть необходимое условие существования зажиточного крестьянства»²³. Наши материалы показывают, что наиболее крупные овцевладельцы самостоятельно нанимали пастухов для содержания собственных стад. Так, в с. Гел (ныне Личк, Гехаркуник), в конце 1890-х гг. крупные скотовладельцы Акон Усений, Артем Саакян и др. нанимали по несколько пастухов для содержания мелкого рогатого скота. К их стадам присоединяли свой скот бедняцкие хозяйства, которые с каждых 20 голов платили по одному ягненку (а с 10 голов — одного козленка). В с. Шинкерт (Сюник) зажиточные крестьяне Мартiros Погосян, Аконджан Мирзоян, Бадал Оганесян, нанимавшие пастухов для содержания собственных стад мелкого рогатого скота, имели по 4—7 порняков²⁴. То же самое имело место в Шираке. С. П. Зелинский писал, что «пастухов нанимают не целые общества, а отдельные поселяне, преимущественно те, у которых бывает больше скота. Другие жители, имеющие мало скота, отдельные пастухов не нанимают и поручают скот пастухам, нанятым соседями»²⁵. Причем интересно, если в одних местах плата полагалась кобна-меру, то в других — самим пастухам.

В сообществах этой формы складывались совершенно иные отношения между их членами. Вокруг владельцев стад группировались либо обедневшие родственники, либо соседи. Крестьянину, имевшему мало скота, было невыгодно отрываться от дома летом, поэтому он шел к богачу и просил принять скот в стадо. Владелец стада принимал скот, однако впоследствии он нередко использовал своих порняков на различных работах. Порня-

ки не могли отказаться от работы в пользу своего богатого соседа или родственника, ибо, во-первых, они зависели от последнего экономически; во-вторых, вековой обычай взаимопомощи обязывал их помогать соседу. В этих условиях древние формы родственной и соседской взаимопомощи приобретали новый смысл.

В сообществах этой формы преобладали отношения господства и подчинения, но не в прямом, а в прикрытом форме. Степень выраженности отношений эксплуатации была различной в различных районах Восточной Армении. Так, в селениях Гехаркуника, Ширака, Вайоц-дзора и др., где скотоводческое хозяйство приобретало к концу XIX в. определенные черты товарного хозяйства и где значительное количество скота было сосредоточено у зажиточных крестьян, производивших животноводческие продукты и для сбыта, имела место беззастенчивая эксплуатация бедняков владельцами стад. В селениях же Сюника, Тавуша, Лори и др., где крестьянское хозяйство отличалось сравнительно большей замкнутостью, общинные традиции были более живучи и отношения эксплуатации облекались в форму соседской и родственной взаимопомощи.

Этнографические параллели показывают, что в конце XIX в. и у других народов Кавказа — грузин, азербайджанцев, курдов, абхазов, даргинцев, черкес и др.²⁶, — также широко была распространена эта форма сообщества, однако у каждого народа она приобретала ряд характерных черт.

Жители Сигнахского уезда Тифлисской губернии (ныне в основном Сигнахский район Грузинской ССР), по данным А. М. Аргутинского, в 80-х гг. XIX в. разбивались на товарищества, в каждом по 6—7 дымов, причем «товарищество составлялось таким образом, чтобы один дым был из числа богатых, а остальные из бедных»²⁷.

У курдов, как уже было отмечено, В. Никитин выделял два типа оба, причем подчеркивал, что «вот в этой второй форме и действует обычно система оба»²⁸. А. Е. Хан-Агов и А. А. Калантар, исследовавшие быт курдов, указывали на те притеснения, которые имели место со стороны оба-баши. Отношения, складывавшиеся в оба, они по существу характеризовали

²¹ См. А. В. Парницкий, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Попово-Язетского уезда..., стр. 351—358.

²² См. А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 160—161.

²³ В. И. Ленин, ПСС, т. 3, М., 1958, стр. 169.

²⁴ См. Ю. И. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, вып. № 6, стр. 45, АОЭ.

²⁵ С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шираке..., стр. 48.

²⁶ Подробнее см. А. М. Аргутинский, указ. раб., стр. 218; А. Е. Хан-Агов, указ. раб., стр. 304—305; С. А. Егиазаров, указ. раб., стр. 192; его же, Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии, Тифлис, 1884, стр. 18—22; Народы Карачаево-Черкесии, Ставрополь, 1957, стр. 34; Вопросы этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952, стр. 34 и др.

²⁷ А. М. Аргутинский, указ. раб., стр. 218.

²⁸ В. Никитин, указ. раб., стр. 234.

как отношения господства и подчинения³⁷. О. Л. Вильчевский совершенно справедливо считает, что социальное расслоение, которое шло в курдской общине, наглядно проявляется в традиционной курдской обе³⁸. Известный курдолог В. Ф. Минорский, признавая эксплуатацию оба-баш своих подданных, отмечал, что она смягчалась патриархальными отношениями между ними³⁹. Однако на самом деле патриархальные отношения между ними не то, что смягчали, а лишь прикрывали отношения эксплуатации, служили как бы ширмой реальных отношений господства и подчинения.

С. А. Егназаров также несколько идеализирует порядки, господствовавшие в курдской обе, называя ее «демократической общиной», где все члены, как бедняки, так и богачи, «пользуются одинаковыми правами; глава же оба — только первый между равными»⁴⁰. Однако это не соответствует действительности, о чем свидетельствуют многочисленные материалы. Так, в пользовании курдов общества Джамадинли в 80-х гг. прошлого столетия находились семь тыс. десятин зимних пастбищ, которые были разбиты на 22 участка и закреплены за отдельными курдскими семьями. Остальные же 116 семейств данного сельского общества фактически были лишены права пользования пастбищами. Хозяин участка принимал для выпаса скот своих соседей-общинников, взимая с каждого ста овец по пять ягнят⁴¹. Естественно, что при таких условиях нет места для равноправия. Там, где являлась сильная имущественная дифференциация, там непременно появляются объективные условия для господства.

Сообщества рассматриваемой формы были известны и у черкесов и даргинцев. У первых это объединение называлось «кошнэгер» и организатором его был наиболее зажиточный крестьянин, который фактически превращал остальных членов сообщества в своих батраков⁴². Описывая аналогичное сообщество у даргинцев (Дагестан), З. А. Никольская пишет, что крестьяне-бедняки «старались поддерживать «доброжелательные» отношения с таким овцеводом, помогая ему во время сельскохозяйственных работ, постройке дома, изготовлении предметов ремесла и т. д.»⁴³.

В сообществах, составленных из различ-

ных по своему имущественному положению семей, не могли установиться равноправные отношения уже потому, что условием приема того или иного крестьянина в сообщество было согласие его главы, который уже не являлся выборным. В этом отличие данной формы сообщества от двух предыдущих.

Подытоживая все вышесказанное о формах сообществ по выпасу мелкого рогатого скота у армян, можно сделать следующее заключение.

Для организации выпаса мелкого рогатого скота в большинстве районов Восточной Армении составлялись сообщества, носившие временный характер, так как сохранялись лишь на период пастбищного содержания скота. Изучение состава различных сообществ (постоянство состава, состоятельность отдельных членов, родственные отношения и др.) дало основание для выделения вышеописанных трех форм сообществ, детальное рассмотрение которых выявляет ценный дополнительный материал для характеристики всей совокупности общественных отношений на селе в рассматриваемый период. Факт же сосуществования всех этих трех форм в рамках одного и того же исторического периода объясняется своеобразием армянской деревни второй половины XIX в. когда, с одной стороны, шел процесс утверждения капиталистического уклада в деревне и разложения крестьянства, а с другой — ввиду архаичности крестьянского хозяйства в большей части Восточной Армении, общинные устои все еще были живучи.

Однако не всюду создавались сообщества по выносу мелкого рогатого скота. В ряде селений (преимущественно, в зоне долининого оседло-пастбищного скотоводства) засвидетельствованы сельско-общинные объединения для организации выпаса мелкого рогатого скота с наймом пастухов для различных половозрастных групп скота. Так, в селениях Араратской долины и некоторых высокогорных районов (главным образом, в пределах нынешних Амасинского и Гукасянского районов) ярем чабанов производился от имени всех овцеводов данного сельского общества, последние выплачивали чабанам из расчета: один ягненок с каждых 20 или один козленок с каждых 10 овец и коз⁴⁴.

Организация выпаса крупного рогатого скота отличалась целым рядом особенностей и главная из них состояла в том, что нанимало пастухов все сельское общество. Число пастухов зависело от паличного количества скота и варьировало от 2—3 до 10—12. Пастухи для выпаса дойного и гулевого рогатого скота

³⁷ См. А. Е. Хан-Агов, указ. раб., стр. 304; А. А. Калантар, Алагаские каменные летние пастбища..., стр. 88—89.

³⁸ См. О. Л. Вильчевский, указ. раб., стр. 45; В. Никитин, указ. раб., стр. 234.

³⁹ См. В. Никитин, указ. раб., там же.

⁴⁰ С. А. Егназаров, Сельская община, стр. 192.

⁴¹ См. А. Е. Хан-Агов, указ. раб., стр. 304—305.

⁴² См. Народы Карачаево-Черкесии, стр. 40—41.

⁴³ Вопросы этнографии Кавказа, стр. 34.

⁴⁴ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка №16, стр. 28—31, 42—45. АОЭ.

занимались с апреля по декабрь, т. е. на весь пастбищный период. Лишь в исключительных случаях производился индивидуальный наем пастухов отдельными владельцами крупного рогатого скота. Составление специальных сообществ по выпасу крупного рогатого скота не практиковалось в армянской деревне. Даже в тех случаях, когда одна часть населения поднималась на летовку, а другая — оставалась в селении, вследствие чего часть скота также оставалась в селении, как, например, в ряде селений Ширака, Арагапотна, Гехаркуника и др., наем пастухов по-прежнему производится всем сельским обществом, причем пастухи по взаимному соглашению делились на две группы: одна поднималась на летовку, а другая оставалась в селении для содержания оставшегося в деревне скота. Раз в неделю или две недели эти две группы пастухов сменялись, поскольку содержание скота на горных пастбищах и в самих селениях требовало различной интенсивности труда.

В очень немногих селениях сообщества по выпасу мелкого и крупного рогатого скота совпадали по своему составу. В одном случае это засвидетельствовано в с. Ваагин, а в другом — в с. Карзах. При рассмотрении сообществ первой формы мы отметили, что в некоторых местах создавались «полные» сообщества, когда их члены складывали весь скот (как крупный, так и мелкий рогатый), находившийся в их распоряжении, и сообща содержали его.

В другом случае составление сообществ по выпасу крупного и мелкого рогатого скота объяснялось особенностями форм пользования летними пастбищами, когда последние подлежали закреплению (хотя и временному) между жителями различных кварталов, которые создавали сборные стада крупного и мелкого рогатого скота с паймом пастухов для их выпаса. Здесь наем пастухов производился не от имени всего сельского общества, а лишь части его — жителями одного квартала. В 80—90-х гг. XIX в. жители каждого из трех кварталов с. Карзах нанимали по 3 пастуха и одному подпаску для крупного рогатого скота и по 4 чабана для мелкого рогатого скота, разделенных на половозрастные группы⁴⁵. Эти данные показывают, как изменения в условиях пользования летними пастбищами влекут за собой и изменение самой системы организации выпаса различных видов скота, что, несомненно, указывает на необходимость учета особенностей форм пользования пастбищами в тех или иных частях Восточной Армении.

Формы ведения скотоводческого хозяйст-

ва и различные системы организации выпаса скота обусловили особенности найма различных категорий пастухов в армянской деревне. Изучение которых представляет интерес не только в сравнительном плане, но и в плане выявления некоторых специфических сторон пастушеской жизни, роли и места пастухов в жизни армянской деревни.

2. ФОРМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО НАЙМА ПАСТУХОВ

Для понятия «пастух» армяне имели развитую систему названий в зависимости от вида выпасаемого скота, что указывает на старые традиции пастушества у армян.

В табл. 3 приведены названия пастухов различных видов скота, записанные нами в различных частях Восточной Армении. Сравнительное изучение этих названий показывает, что преобладающая часть их имеет армянское происхождение и была известна уже, по крайней мере, с V в. нашего летосчисления⁴⁶. Термины же неармянского происхождения были переняты, по-видимому, в эпоху позднего феодализма.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что указанные категории пастухов нанимались как отдельными состоятельными хозяйствами, так и группами хозяйств или всем сельским обществом.

Развитие классово-имущественных отношений в пореформенной армянской деревне способствовало появлению значительного числа крупных скотовладельцев, использовавших в своем хозяйстве наемный труд. Договор обыкновенно заключался на один год, но истечения которого срок продлевался с теми из них, которые проявили особую прилежность и умение ухаживать за скотом. Оплата труда пастухов в рассматриваемое время производилась натурой, но широко практиковалась также денежная форма оплаты.

Соглашение между пастухом и хозяином скота предусматривало следующие условия: скотовладелец вверял пастуху стадо в 400—500 овец, а последний, вместе со своим папарником, должен был заботливо содержать его; пастухов одевали, обували и кормили в течение всего периода найма. В конце договорного срока, если пастухи в целостности и сохранности возвращали стадо его владельцу, получали еще и по 10—15 ягнят, в зависимости от условий договора. При денежной же оплате пастухи мелкого рогатого скота получали в селе-

⁴⁵ См. Ю. Н. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, наука № 18, стр. 29—30, АОЭ.

⁴⁶ См., например, Фавстос Бузанд, указ. раб., стр. 17; Չարսրիմ Սարգիսի, указ. раб., стр. 24; Ա. Ա. Արթուրյան, указ. раб., стр. 197 и сл.

Названия пастухов различных видов скота

		Тавуш	Вайоц-дзор	Шпрак	Джавахк	Айрарат
пастух крупного ро- гатого скота	Коров	տգարած 1 կոգարած 3	նախարազան 2	նախարազան նախրի	նախարազան նախրի	նախարազան նախրի
	Буйволиц	— — — — —	— — — — —	— — — — —	— — — — —	— — — — —
	Гулевого скота	սուրահարած 5	— — — — —	— — — — —	— — — — —	— — — — —
	Рабочего скота	եղնարած 6	եղնարած	եղնարած	եղնարած	եղնարած
	Молодняка	ֆերթարած 7 մոգարած 8	հորթարած	հորթарած	հորթарած	մաք-ֆերթарած
пастух мелкого ро- гатого скота	Овец	զեխարած 9 չորան	հոգի 10 չորան	չորան 11	չորան	հոգի չորան
	Коз	իծարած 12	— — — — —	— — — — —	— — — — —	— — — — —
	Баранов	զոչарած 13	զոչарած	զոչарած	զոչарած	— — — — —
	Ягнят	կաննարած 14	կանнарած	қаннарած	қаннарած	կаннарած
	Козлят	սւլարած 15	— — — — —	— — — — —	— — — — —	— — — — —
Свинопас		խոզարած 16	— — — — —	— — — — —	— — — — —	— — — — —
Конюх		ծիարած 17	— — — — —	ծիарած	— — — — —	— — — — —

1. «Тварац»—арм., от слова «тавар» («скот»); жители Тавуша этим термном обыкловенно называли крупный рогатый скот. Интересно отметить, что в средневековом Армении использовался также термин «андеорд» или «андпорд» в значении пастуха крупного рогатого скота (см. Լ. Անտրյան, Հայերեն ար-մատիկան բանասիրան, I, Եր., 1971, стр. 188; А. А. Абрамян, указ. раб., стр. 505).
2. «Нахрапан»—составное слово: от слова «нахпр» («стадо крупного рогатого скота») и слова «нахел»—«держат»; следовательно, «нахрапан»—человек, содержащий стадо крупного рогатого скота.
3. «Коварац»—арм., от слова «ков» («сорова»).
4. «Кацарац»—арм., диалектное, от слова «кац» («буйволнца»).
5. «Субаһарац»—от слова «субаһ»—«гулевой» (скот).
6. «Езнарац»—от слова «ез»—«вол».
7. «Фертарац»—арм., диалектное, от слова «ферт»—«хорт» («теленки»).
8. «Мозарац»—арм., от слова «мози» («телка-однолетка»).
9. «Вечхарац»—арм., от слова «вечхар»—«вочхар» («овца»).
10. «Новн»—арм., пастух взрослого мелкого рогатого скота. Интересно отметить, что этот термин встречается в армянской историографии уже с 5 в. (см. Փավոս Բուզանդ. История Армении, Ереван, 1953).
11. «Чобан»—азерб., пастух взрослого мелкого рогатого скота.
12. «Ицарац»—арм., диалектное, от слова «эц» («коза»).
13. «Гочарац»—от азерб. слова «гоч» («баран») с армянским окончанием.
14. «Кярнарац»—арм., диалектное, от слова «кярр»—«гарр» («ягненок»).
15. «Уларац»—арм., от слова «ул» («козленок»).
16. «Хозарац»—арм., от слова «хоз» («свинья»).
17. «Цнарац»—арм., от слова «цн»—«дзп» («лопадь»).

ниях Тавуша, в 80-х годах прошлого столетия, около 80 руб⁴⁷.

При заключении соглашения никаких письменных документов не составляли. По обычному праву, личное соглашение между скотовладельцами и пастухами в присутствии нескольких авторитетных крестьян считалось перушимым договором между ними⁴⁸. В литературе давно было обращено внимание на своеобразное положение наемного пастуха в семье крупного скотовладельца. Он пользовался почти теми же правами, что и младший член

семьи, особенно если такой пастух уже в течение многих лет служил в данной семье. Во время обеда он имел право вместе с главой семьи сидеть за общим столом, что было проявлением особого к нему почтения⁴⁹. Информаторы сообщали, что в отдельных случаях опытный и добросовестный пастух, прослуживший данной семье в течение многих лет, делался ее членом через усыновление, что за свидетельствовало и у других кавказских народов⁵⁰.

⁴⁷ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 1, стр. 25, АОЭ, А. Д. Ерицян, указ. раб., стр. 178.

⁴⁸ См. Н. Григоров, указ. раб., стр. 84—85.

⁴⁹ О положении наемного работника в семье зажиточных крестьян см. в работе Э. Т. Каранегян. Армянская семейная община, стр. 49.

⁵⁰ См. Ц. Н. Бжания, указ. раб., стр. 90.

В ряде селений Тавуша, Лорн, Сюника, Ариата, Гехаркуника и других, где скотоводство было значительно развито и где пастушеский труд был в почете, семьи, владевшие большим количеством скота, сами занимались уходом за своим скотом, посылая в пастухи одного или нескольких членов семьи. Это не представляло особых затруднений, если иметь в виду, что во второй половине XIX в. большие семьи с трех- и четырехпоколенным составом были обычным явлением⁵¹. А. Д. Ерипов отмечал, что зажиточный дом Саака Джагипова (из с. Кохб, Тавуш) имел 7 пар рабочих волов и буйволов, 73 головы молочного и гулевого крупного рогатого скота и до 500 голов овец и коз, 9 лошадей и 5 ослов. Один из трех его сыновей — Геворк, распоряжался всем хозяйством; второй сын занимался хлебопашеством, а третий — скотоводством и «редко бывал дома: летом он на зйлаге, в остальное же время в зимовниках»⁵².

Ц. Григоров также отмечал, что «если в семье есть несколько братьев, то один из них (обыкновенно младший) с женой и детьми отправляется на кочевье, где проводит все лето»⁵³.

Однако размеры хозяйства зажиточных крестьян превышали, как правило, рабочие силы семьи, поэтому, посылая одного или двух членов семьи в пастухи, все же прибегали к дополнительному найму пастухов. Так, описанная выше зажиточная семья Саака Джагипова из с. Кохб ежегодно нанимала также трех пастухов, которые вместе с хозяином сыном содержали все виды скота⁵⁴. Семья Агаджана Тер-Кеворкова из с. Кузали (ныне с. Гехаркуник), по данным А. В. Парвицкого, имевшая в 1885 г. 10 голов рабочего скота, 13 коров и телен, более 200 овец и др., с 1 марта нанимала трех посаров (чабанов — для выпаса овец и мшаков — для ухода за рабочим скотом и использования в полевых сельскохозяйственных работах) для педения всего хозяйства⁵⁵.

Аналогичные материалы засвидетельствованы и у других народов Кавказа⁵⁶, которые убедительно свидетельствуют о том, что инди-

видуальный наем пастухов широко практиковался во многих частях Кавказа, хотя условия и сроки найма последних значительно отличались у различных народов, что объясняется особенностями хозяйственной жизни и конкретными историческими традициями.

Однако наиболее распространенной формой найма пастухов в армянской деревне был наем отдельными сообществами (см. выше) или всем сельским обществом.

Общественный наем пахраников почти повсеместно производился с начала пастбищного сезона и продолжался вплоть до перевода скота на стойловое содержание. Наем не мог состояться без согласия всех крестьянских хозяйств, что нашло отражение также и в литературе⁵⁷. В каждом селении были известны пастухи, которые хорошо себя зарекомендовали в пастушеском деле, и их охотно нанимали односельчане. Так, в с. Казанчи (Гукасянский район) славу опытных и умелых пахраников завоевали Петрос Товмасян, Газар Атанесян, Абрам Маркосян и другие, которые ежегодно нанимались в пахраники у всего сельского общества⁵⁸. Те из односельчан, которые хотели наняться в пахраники, обыкновенно обращались к одному из уважаемых и авторитетных людей села, который рекомендовал их сельскому сходу. Последний обсуждал выдвинутые кандидатуры и, если не было возражений с чьей-либо стороны, поручал им с этого дня содержание крупного рогатого скота. Пахраники несли полную ответственность за сохранность и целостность вверенного ему скота⁵⁹. Обыкновенно на стадо дойного и гулевого скота подавалось два пахраника, которые периодически сменяя друг друга, пасли скот на присельских пастбищах, а затем, если практиковалась отгонная система содержания скота, на горных пастбищах. В отдельных селениях, в зависимости от количества скота, нанимали до 10—12 пахраников, которые подразделяли скот на отдельные стада и пасли их на различных пастбищных участках в целях лучшего выпаса и во избежание вытравливания пастбищных участков. По утрам местные жители отгоняли скот на специальное место, где пастухи собирали стадо и выводили его на пастбище. Эти места сбора известны под различными названиями — *տնփրտիտիփ* (тавараган), *Կտփրտիտիփ*

⁵¹ См. Э. Т. Карпетян, указ. раб., стр. 25—26.

⁵² А. Д. Ерипов, указ. раб., стр. 160—161.

⁵³ Ц. Григоров, указ. раб., стр. 87.

⁵⁴ См. там же, стр. 161.

⁵⁵ См. А. В. Парвицкий, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Поволжского уезда..., стр. 353—358.

⁵⁶ См. В. И. Гесевский, Нижне-Караекие казенные имение пастбища Калашского уезда, МУКЛЕЗНИСК, т. 3, стр. 98; Народы Кавказа, т. II, стр. 253; А. А. Калинин, Алабские казенные имение пастбища..., стр. 88—89; В. Никитин, указ. раб., стр. 234; Ц. П. Бжания, указ. раб., стр. 91—92.

⁵⁷ См. С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян Загезурского уезда..., стр. 48—49.

⁵⁸ См. Ю. П. Мкртумян, Полевые материалы, папка №9, стр. 102, АОЭ.

⁵⁹ Там же, папка №8, стр. 2—3. Если корова заболела и погибала, то пахраник не нес никакой ответственности; если же корова терялась или получала повреждение от ударов пастуха, то последний должен был возместить ущерб, нанесенный владельцу скота.

(нахрапап), *նախրափ* (нахрагна), *նախրաշահ* (нахраджада) и др.

Вознаграждение общественных нахрапанов производилось преимущественно зерном, хотя в конце XIX в. во многих селениях практиковалась и денежная оплата. Ниже приводим таблицу о размерах вознаграждения труда нахрапанов в интересующее нас время, по данным полевых и литературных материалов. За выпас одной головы крупного рогатого скота в различных частях Восточной Армении взимался:

Тавуш	Лори	Ширак	Вайоц-дзор	Сюник
2 хана ⁶⁰ зерна (преимущественно пшеницы)	20 коп. или 3 хана зерна (пшеницы и ячменя)	1 руп ⁶¹ пшеницы и 1 руп ячменя; или же 1 кот ⁶² пшеницы и по лавашу с дыма каждый вечер	20 грв. ⁶³ пшеницы и по лавашу с дыма каждый вечер В с. Гидеваз 1 тюра ⁶⁴ пшеницы	15 грв. ⁶⁵ пшеницы В с. Уа—15 грв. пшеницы по лавашу с дыма по вечерам

Полагавшаяся всем нахрапанам плата собиралась в одном месте и делилась между ними поровну.

Однако не всюду производился наем нахрапанов. Н. Григоров писал, что «для крупного рогатого скота общественного пастуха, как и в соседних селениях, в Татеве не нанимают, а каждый должен сам ухаживать за своим скотом отдельно. Иные хозяева-соседи, 5—10 дворов, вступают для этого в компанию и наблюдают за скотом по очереди, при этом каждый хозяин для отбытия своей очереди посылает в поле своего сына пастухом общее, обыкновенно небольшое стадо коров»⁶⁶. В заметке о быте крестьян с. Арцваник (Сюник) также сообщается о том, что в 90-х гг. XIX в. для пастьбы коров и буйволов нахрапанов не нанимали, а каждое хозяйство пасло свой скот отдельно, нередко «под присмотром своего же 6—8-летнего мальчика»⁶⁷.

⁶⁰ Хан—мера сыпучих тел, равная 4,8 кг.

⁶¹ Руп—мера сыпучих тел, равная одному хану.

⁶² Кот—мера сыпучих тел, равная одному хану. Следует отметить, что кот, выдолбленный из обрубков дерева домашним способом, бывает самых различных размеров (от 4,8 кг до 6 пудов), однако в крестьянском быту этот термин чаще всего употреблялся для выражения именно указанного количества зерна.

⁶³ Грванк—арм., мера веса, равная 400 г.

⁶⁴ Тюра—мера сыпучих тел, равная 20 грв. (или 8 кг).

⁶⁵ Сильма—мера сыпучих тел, равная 20 грв.

⁶⁶ Н. Григоров, указ. раб., стр. 86.

⁶⁷ Е. Мелик-Шахназаров, указ. раб., стр. 36.

Аналогичные материалы засвидетельствованы нами в селениях Тавуша (Верд, Кохб, Котигех и др.), Арцаха (Тумп, Сусалых, Тахот, Тох, Тех и др.)⁶⁸, Ширака (Каракилиса, Сариар и др.)⁶⁹ и др.

Организация выпаса телят и буйволят также отличалась значительным разнообразием. В одних местах (Джавакх, Ширак, Вайоц-дзор и др.) при найме пастухов для выпаса крупного рогатого скота нанимали их такое число, чтобы организовать выпас всех половозрастных групп скота⁷⁰. В других—наем телятников производился отдельно от нахрапанов, как, например, в ряде селений Тавуша, Лори, Арцаха, Араратской долины, Сюника и др. В третьих—выпас телят производился самими хозяйствами (в некоторых селениях Сюника, Арцаха и Араратской долины)⁷¹.

Ниже мы приводим данные о размерах и формах оплаты труда телятников в армянской деревне.

Лори	Ширак	Джавакх	Вайоц-дзор	Сюник
Еженедельный удой молока	1 руп пшеницы с головы скота за весь период содержания, или по 20 коп. ⁷²	0,5 кота или 1 кот пшеницы	1 чанах ⁷³ пшеницы В с. Кечут полпуда пшеницы и по хлебу с дыма в неделю	Еженедельный удой молока. В с. Лериашен полпуда пшеницы

В тех селениях, где практиковалось вознаграждение телятников зерном, в день Вардара (праздник, отмечавшийся летом, связанный с культом воды у армян) весь удой молока отдавали им.

Приведенные данные, за исключением сообщения А. А. Калантара, определенным образом свидетельствуют о том, что в интересующее нас время сохранялся способ вознаграждения телятников продуктами—молоком или зерном. Причем интересно, что там, где благодаря местным природно-хозяйственным усло-

⁶⁸ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые материалы папки №№ 1—18, АОЭ; А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 97.

⁶⁹ См. А. А. Калантар, указ. раб., стр. 113. Автор подчеркивает, что жители бывшего Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии (район современного Кировабада) нахрапанов нанимали редко, чаще «пасли скот сами жители по очереди» (там же, стр. 76—77).

⁷⁰ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые материалы, папки №№ 10, 12, 16, 18, АОЭ.

⁷¹ См. там же, папки №№ 4, 6, 16 и др.

⁷² См. А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 134.

⁷³ Чанах—мера сыпучих тел, равная 13 грв.

виям производился значительный излишек продуктов зернового хозяйства (Ширак, Джавахк, Араратская долина и др.), вознаграждение пастухов производилось зерном; там же, где этот излишек был невелик, вознаграждение производилось молоком (Тавуш, Лори, Вайоц-дзор, Гехаркуник).

В селениях, где паем пастухов для выпаса телят не практиковался, очень часто несколько домохозяев договаривались о совместном выпасе телят. Для этого из каждой семьи выделялось по одному человеку, которые по очереди выводили телят на пастбище⁷⁴.

Общественный паем чабанов для выпаса различных половозрастных групп мелкого рогатого скота производился, как мы уже указывали выше, либо всем сельским обществом (как, например, в ряде селений Джавахка и Араратской долины)⁷⁵, либо группами хозяйств (сообществами). Данные о способах и сроках пайма чабанов позволяют говорить о двух основных их разновидностях, обусловленных продолжительностью пастбищного сезона в тех или иных этнографических районах.

В районах, где практиковалось весенне-летнее-осеннее пастбищное и зимнее стойловое содержание мелкого рогатого скота (Джавахк, Ширак, часть Сюника, Лори, Тавуша и Гехаркуника), производился паем так называемых «летних» (с марта по сентябрь) и «осенних» (с сентября по ноябрь) пастухов. Там же, где практиковалась также зимняя частьба его (Араратская долина, Апаран, часть Гехаркуника, Сюника и др.), принимали вместо «осенних» пастухов «зимних», которые в отличие от первых, принимались на более продолжительный срок (с сентября по март) и, естественно, получали большую плату. Однако разница, как мы увидим дальше, состояла не только в этом.

Сравнительный материал по различным районам Восточной Армении показывает, что плата «летним» пастухам, за небольшим исключением, была одинаковой (см. таблицу).

За пайас 20 голов мелкого рогатого скота чабаны получали:

Лори	Сюник	Ширак	Вайоц-дзор	Джавахк
По одному ягненку, паре поросеней, одному козу и пшеницы	По одному ягненку, паре поросеней и кормились у своих хозяев (или же получали по 10 грв. пшеницы) ⁷⁶	По одному ягненку, паре поросеней и полкозга пшеницы	По одному ягненку, паре поросеней и кормились у своих хозяев из расчета 1 день за каждые 5 овец	По одному ягненку, паре поросеней, полкозга зерна (пшеницы и ячменя)

В ряде селений Сюника и Тавуша практиковались и другие формы оплаты труда чабанов, из которых особый интерес представляет вознаграждение их исключительно зерном или деньгами. В сс. Мегри, Ариваник и др., где держали значительное количество коз (больше чем овец, что объясняется особенностями местных природно-климатических условий), нанимали специальных пастухов — *իծարժ* (пцарац) — для выпаса коз, которым выплачивали по 18 грв.; пастухи же козлят — *պշարժ* (ушарац) — получали по 10 грв. пшеницы с головы вынасаемого скота⁷⁷. Аналогичные материалы зафиксированы в сс. Уз, Ангехакот и др. Интересно в связи с этим отметить, что в армянском народном эпосе «Сасна Црер» имеются указания на практику вознаграждения пастухов мелкого рогатого скота зерном⁷⁸, что, несомненно, свидетельствует об ее традиционности.

Значительно реже практиковалась денежная форма оплаты, при которой чабан получал по 10 коп. с головы мелкого рогатого скота за весь период его содержания (с марта по сентябрь)⁷⁹. Однако в последующий период (начало XX столетия) денежное вознаграждение стало значительно чаще практиковаться, что стояло в прямой связи с развитием товаро-денежных отношений в армянской деревне⁸⁰.

В селениях Джавахка, Ширака, части Сюника, Лори и др. в сентябре, в период «обновления» пастухов, местные крестьяне нанимали «осенних» пастухов из числа одиосельчан, которые пасли скот вплоть до наступления холодов (ноябрь-декабрь). «Осенние» пастухи получали различную плату: в селениях Ширака — по 10—15 коп. с головы скота, в селениях Джавахка — либо деньгами (10—20 коп. с овец), либо натурой (по одному *4n/ju*⁸¹ зерна с овец); в селениях Лори — по 10—15 коп.

⁷⁴ См. А. А. Казантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 97, 128.

⁷⁵ См. Ю. Н. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папки №№ 16 (стр. 15, 25, 36, 43) и 18 (стр. 3—4, 6, 19, 26 и др.), АОЭ.

⁷⁶ См. С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян Закавказского уезда..., стр. 99—100, Е. Мелик Шахназаров, указ. раб., стр. 36.

⁷⁷ См. Ю. Н. Мкртумян, Полевые материалы, папка № 6, стр. 3—4, АОЭ.

⁷⁸ Отправляя на выпас ягнят и телят, дядя Давида говорит ему: «За каждого ягненка нам проса мерку да мерку пшеницы дадут» (Давид Сасунский, Армянский народный эпос, М., 1939, стр. 172).

⁷⁹ См. С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Закавказском уезде..., стр. 99.

⁸⁰ См. М. А. Адонц, указ. раб., стр. 382 и сл.

⁸¹ Ноха — мера сыпучих тел, равная 3 грв.

и т. д.⁸². В отдельных районах Западной Армении (Сасун, Васпуракан и др.) «осенине» пастухи иногда нанимались лишь для получения права выпаса овец на своих пахотных участках.

Иная картина наблюдалась в тех районах, где и в зимние месяцы производился выпас скота. Здесь чабанов нанимали по полугодиям; с марта по сентябрь и с сентября по март. Полевой и литературный материал показывает, что подобная практика сложилась во многих селениях Араратской долины, Арагацотна, части Сюника, Вайоц-дзора, Тавуша и др. «Зимние» чабаны пасли скот либо в пределах присельских пастбищ (Араратская долина), либо на отдаленных зимних пастбищах (некоторые селения Арагацотна, Сюника, Вайоц-дзора, Тавуша). Платили им так же, как и «летним» чабанам. Разница, согласно сообщениям информаторов, а также данным С. П. Зелинского, состояла в том, что «за зимнюю пастьбу ягнята и козлята отдаются в начале, а за летний период в конце наемного срока»⁸³. Чабаны получали одежду и кормились за счет хозяев: ежемесячно они получали по 2—2,5 пуда пшеничной муки⁸⁴.

Менее продолжительными были сроки найма «зимних» пастухов в селениях Арагацотна, где сложилась своеобразная система содержания мелкого рогатого скота на позднелесных и зимних пастбищах Араратской долины. Пастьба скота продолжалась здесь до декабря—января⁸⁵. Чабаны получали по одному ягнятку, коту пшеницы (или ячменя) и паре поршней с каждых 20 голов. Такая высокая плата объясняется тем, что обеспечение скота необходимыми кормами было целиком возложено на самих чабанов, а сами овцевладельцы никаких дополнительных расходов по аренде пастбищных участков не несли.

Во многих селениях Восточной Армении пасли пастухов для выпаса ягнят и козлят производился отдельно и имел место с апреля—мая до сентября, когда молодняк данного года смешивали со стадом овец. Обычным вознаграждением их труда была дача еженедельного (как правило, воскресного) удоя молока всего стада овец; в некоторых селениях Сюника, как мы уже указывали, практиковалось вознаграждение пастухов ягнят зерном (сс.

Мегри, Ариванк, Уз, Ангехакот и другие) или деньгами (с. Гетатах и другие)⁸⁶. В некоторых селениях Ширака, где сельские общества или отдельные группы хозяйств одновременно производили наем чабанов для выпаса различных половозрастных групп мелкого рогатого скота, чабаны получали с каждых 20 голов по одному ягнятку (как, например, в сс. Аластан, Азарвет, Маралик, Азатан и др.)⁸⁷.

После принятия стада овец или ягнят чабаны делались ответственными за его целостность. Понятно, что по истечении договорного срока всех овец или ягнят в наличии могло не оказаться: несколько голов падали, некоторых звери могли растерзать и т. д. Однако чабан обязан был представить хозяину скота шкуру со съеденных волками или павших овец, так называемый *րարիք* (барата) или *եփտու* (евнту). Хозяин скота вместе с опытными и уважаемыми людьми села осматривал «барата». Если они определяли, что скот действительно пал или был растерзан волками, то пастух освобождался от возмещения ущерба владельцу скота; в противном же случае чабан должен был возместить ущерб (впоследствии, при расчете с чабанами, владелец скота высчитывал из причитающейся им доли количество скота соответственно стоимости нанесенного ему ущерба). Если же скотины просто не окажется в стаде и чабан не представит доказательства, то и в этом случае он обязан был возместить ущерб.

Интересно отметить, что эти и другие вопросы ведения скотоводческого хозяйства нашли свое отражение в Судебнике Мхитара Гоша. Так, по интересующему нас вопросу мы читаем: «если случится, зверь убьет животное и произойдет это не по нерадению пастуха, то пусть последний представит в доказательство труп павшего животного, и сам будет невиновен»⁸⁸. Далее мы читаем, что в случае кражи скота пастух обязан заплатить цену краденой скотины; если же кража произошла не по его нерадению и без всякого умысла с его стороны, пастух не несет ответственности. «За животное, побитое или убитое камнем или ударами палки, равно как и за нанесение ему увечья, а также за повреждение стельной коровы от ударов—отвечает пастух»⁸⁹.

Сравнение этих данных с материалами XIX в. показывает, что нормы обычного права, действовавшие в армянской деревне в X—

⁸² См. Ю. И. Мкртумян, Полевые материалы, папки №№ 8, 16, 18, АОЭ.

⁸³ С. П. Зелинский, указ. раб., стр. 99—100; Ф. Т. Марков, Экон. быт гос. крестьян Эриванского уезда..., стр. 72; Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 10, стр. 2—3, АОЭ.

⁸⁴ См. там же.

⁸⁵ А. А. Калантар, Алазские казенные летние пастбища..., стр. 105—106.

⁸⁶ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 6, стр. 2—3, 6, АОЭ.

⁸⁷ См. там же, папки №№ 8 и 18.

⁸⁸ Армянский Судебник Мхитара Гоша, Ереван, 1954, стр. 219.

⁸⁹ Там же, стр. 220.

XIII вв. относятся до первых десятилетий нашего столетия. В этом отношении значительный интерес представляют также данные, содержащиеся в армянском народном эпосе «Сасна Црер». Когда деды похитили быков и убили их, Давиду удалось вернуть шкуры казавшим и одарить их золотом и при этом он строго предупредил: «Коль у братьев моих пастухов — урите вы хоть горсточку ишена! Тогда на память вам Давид дома разорит!». Это предупреждение Давида, несомненно, свидетельствует о том, что пастухи несли полную ответственность за порученный скот, и в случае его пропажи или гибели по их вине пастухи обязаны были внести известную плату владельцу скота.

Приведенные отрывки из «Судебника» и «Сасна Црер», с другой стороны, свидетельствуют о давности традиции найма общественных пастухов в армянской деревне, что подтверждается также сведениями средневековых армянских историков.

Сравнительный материал по другим народам Кавказа показывает, что в сроках найма пастухов, размерах и формах оплаты их труда имеется много общего, при наличии некоторых особенностей, объясняющихся своеобразием хозяйственной жизни и исторического прошлого каждого народа. Не останавливаясь на изложении сравнительного материала, мы постараемся выявить то особенное, специфическое, что характерно для армян.

Прежде всего, бросается в глаза то, что у армян, более чем у какого-либо другого народа, практиковался найм различных категорий пастухов из числа других народов, преимущественно курдов и азербайджанцев; на причинах этого мы уже останавливались выше.

Далее. У армян, больше чем у соседних с ними азербайджанцев, курдов, абхазов и некоторых этнографических групп грузинского народа, практиковался найм различных категорий пастухов всем сельским обществом, что, по-видимому, свидетельствует о живучести общинных начал в армянской деревне рассматриваемого периода. В армянских селениях Восточной Армении почти повсеместно найм пастухов крупного рогатого скота (а в целом ряде селений Ширака и Араратской долины и мелкого рогатого скота) производился всем сельским обществом.

Третья особенность состоит в том, что у армян, чаще чем у других народов Закавказья, практиковалась оплата труда различных категорий пастухов (как крупного, так и мелкого рогатого скота) зерном, преимущественно пшеницей и ячменем, что, на наш взгляд, отражает древние традиции земледельческого народа.

Значительный интерес представляют материалы, характеризующие роль и место пастухов в жизни армянской деревни. На протяжении многих веков были выработаны навыки, способствовавшие не только увеличению поголовья скота, но и качественному улучшению его состава.

В армянской деревне (особенно там, где скотоводство достигло значительного развития) славой и почетом пользовались те пастухи, скот которых всегда был хорошо упитан и редко подвергался порче. Опытные пастухи, прекрасно зная повадки животных и особенности каждой породы, выработали целый комплекс мер, ведущих к увеличению мясной, шерстной и молочной производительности скота. И такие пастухи в первую очередь нанимались всем сельским обществом или отдельными сообществами. Некоторые пастухи настолько хорошо изучили повадки скота, что умели сделать стадо послушным. Почти каждый умел играть на свирели (шви)⁹¹, однако следует заметить, что игра на свирели более всего была распространена среди чабанов, пастухи же других видов скота (крупного рогатого, свиней, лошадей и др.) редко играли на свирели, в то время как для чабанов, вынававших мелкий рогатый скот, умение играть на свирели было чуть ли не обязательным и рассматривалось как одно из их достоинств, свидетельствующее об их умелости и опытности. У чабанов были специальные методики — «*սփառն օղանի*» («мелодия овчара»). С. С. Лисициан пишет по этому поводу, что «чабан играет специальные древние канчи в течение всего дня для различных моментов пастбы: выхода на пастбище с места ночлега, волопоя и т. д. В старину мелодии овчара не имели права играть пастухи других видов скота».⁹² Информаторы сообщали, что пастухи в первую очередь приучали к звукам свирели козлов-вожаков («*փոխազ*», «перн», «*սեւազ*»), так как при продвижении стада они играли роль вожаков стада.⁹³ Чтобы приучить их, в первое время играли на свирели тогда, когда лавали соль или гнали на водопой, что со временем делало их послушными.

Армянские пастухи ориентировались весьма хорошо не только по солнцу, луне и звездам, но и по поведению животных. Это было

⁹¹ Свирель изготовлялась местными мастерами из особого дерева («*տէկենի*»); сердцевину удаляли и делали девять отверстий: семь спереди, одно сзади — для большого пальца, и одно в самом низу, сбоку.

⁹² См. С. С. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. I, Ереван, 1958, стр. 144—145.

⁹³ См. Т. А. Бунятов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957, стр. 84.

⁹⁰ Давид Сасунский, стр. 184.

тем более важно, что пужно было определить время доения различных видов скота, время загона скота в тырло, время припуска ягнят и т. д., особенно в ненастную погоду. Так, овцы, мирно отдыхавшие всю ночь, с рассветом поднимались и начинали пастись поблизости (если тырло было не огражденным) или же сбивались в кучи и вели себя беспокойно, что служило для опытного чабана сигналом к тому, что скот необходимо вывести на пастбище. В полдень, когда солнце поднималось достаточно высоко и находилось почти над головой, овцы самостоятельно прекращали пастьбу и направлялись к месту доения.

По поведению овец чабаны могли почти безошибочно определить, угрожает ли скоту какая-либо опасность или нет. Если в стадо пробрался вор, то в том месте, где находился последний, начиналось перемещение овец и по нему чабан узнавал о грозящей опасности; чуя приближение волка, овцы обыкновенно вставали и долбя землю ногами свистели, давая пастуху знать о приближении зверя и т. д.⁹⁴

Ночью пастухи прекрасно ориентирова-

др. называли *Բազուկ* или *Պազուկ* (Базук или Пазук), а второе — *Շամփուր Կշերք* (Шампур кшерк). Полярную звезду называли *Հիստաղ* (Лисастх, Лори), *Պալծաղ աստղ* (Пайцар астх, Вайоц-дзор), *Շանի աստղ* (Шани астх, Сюник). По расположению Полярной звезды умели точно определить наступление рассвета: если она находилась прямо над головой, то скоро должен был наступить рассвет (что было особенно важно при организации ночного выпаса скота); с сокращением продолжительности дня Полярная звезда смещалась несколько правее.

При ясной солнечной погоде по расположению солнца могли почти безошибочно определить время дня. Для этого пастухи становились лицом к солнцу и по тому, куда надала их тень, узнавали время дня. Жители с. Гамзачи-ман (Лори) для определения времени дня чертили на земле полукруги и делили на двенадцать равных частей. В центр полукруга втыкали небольшой колышек и по тому, на какую цифру надала тень от колышка, определяли время дня⁹⁵.

Рис. 10. Фрагмент надгробного камня на кладбище пос. Берд Шампадинского района, XIX в.

лись по звездам, очень быстро находили созвездия Вольшой и Малой Медведицы, которые видны на небе всегда. Первое созвездие жители Сюника, Тавуша, Лори, Вайоц-дзора и

О том большом уважении, которым пользовались опытные пастухи при своей жизни, свидетельствуют встреченные нами во многих селениях Восточной Армении изображения их на надгробных камнях (рис. 10. 11). Так, в с.

⁹⁴ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 3, стр. 38—39, АОЭ.

⁹⁵ См. там же, папка № 7, стр. 59.

Порашен (Пехаркуник) на надгробном камне XVII в., расположенном в центральной части села, дано изображение чабана в традиционной пастушеской экипировке: меховой шапке конической формы, бурке и поршнях, со свирелью в руках; а перед ним — пасущиеся ов-

Рис. 11. Надгробный камень в сел. Цахкунк Разданского района, XVIII в.

ны и козы. На надгробном камне в с. Цахкунк (Пехаркуник) также дано изображение чабана со свирелью в руках, справа и слева от которого изображены овцы, а также пожитки для стрижки овец, небольшая миска, которую чабаны всегда имели при себе, и небольшой кувшин для воды.

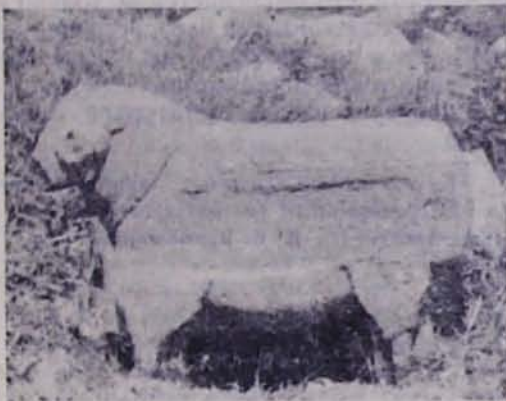

Рис. 12. Надгробный камень в виде барана. Сел. Золакар Маргунинского района, XIX в.

В ряде селений Восточной Армении встречено большое количество надгробных камней в виде баранов (или овец) и лошадей (рис. 12). Е. А. Лалаян отмечал, что эта форма надгробных памятников объясняется тем обстоятельством, что «желали показать, что покаящийся

вместе с ним был владельцем большого количества мелкого рогатого скота и лошадей»⁹⁸. Х. Самвелян же считал, что средневековые надгробные камни в виде баранов или овец являются пережитками тотемизма⁹⁷. Приблизительно сходной точки зрения придерживался также Н. Я. Марр⁹⁸. Видимо, вряд ли в данном случае можно говорить о связи этой традиции с тотемизмом, хотя бы потому, что она получила особенно широкое распространение в средневековый период. Однако несомненно, что эта традиция представляет собою трансформацию религиозных представлений более ранних эпох, согласно которым человек и после смерти ведет земную жизнь. Именно поэтому вместе с покойником клали в могилу и те предметы, которыми пользовался данный человек при жизни — орудия труда, украшения, скот и др. Археологические раскопки дали в этом отношении громадный фактический материал⁹⁹. Е. А. Лалаян писал, что «постепенно действительные предметы заменяются их моделями..., а в конечной степени и эти модели заменяются их изображениями, которые высекаются на надгробных камнях»¹⁰⁰. Поэтому, если надгробные камни в виде баранов и лошадей, с одной стороны, являются далеким отголоском некогда существовавшего обычая захоронения вместе с покойником предметов, принадлежавших ему, то, с другой стороны, возможно, как полагал Е. А. Лалаян, свидетельствуют о том, что покаяющиеся под ними были владельцами большого количества овец и лошадей. Сам же факт изображения пастухов в традиционной экипировке на надгробных камнях является косвенным свидетельством того, что труд пастуха (особенно в районах развитого скотоводства) был в почете.

Фольклор населения различных историко-этнографических районов Восточной Армении дает в этом отношении интересный материал. Сравнительное его изучение показывает, что в тех районах (Тавуш, Сюник, Лори и др.), где особенно широко практиковался наем различных категорий пастухов из числа местного армянского населения, пастухи наделены всеми прекрасными качествами и очень часто по своему уму, находчивости, ловкости, честности

⁹⁷ И. П. Цахуни, *Հուշարկավորության արարողությունների և գերեզմանարարների զարգացումը Հայաստանում. «Հայրիկ»-ի IIII2 գիտությունների և արվեստի Տեղեկագիր», 1928, № 3.*

⁹⁸ См. И. П. Цахуни, указ. раб., т. I, стр. 183.

⁹⁹ См. Н. Я. Марр, Талын, Петроград, 1922, стр. 17 и сл.

⁹⁹ См. работы Б. Б. Пиотровского, А. А. Мартиросяна, Т. С. Хачатряна, С. А. Есаяна и др.

¹⁰⁰ И. П. Цахуни, *Հուշարկավորության ...*, стр. 111.

и человечности не имеют себе равных, что особенно явственно прослеживается в сказках, пословицах, поговорках и баснях. В фольклоре же армян Араратской долины, Ширака и других, где широко практиковался паем пастухов на стороне, преимущественно из числа курдов и

Рис. 13. Чабан с отарой овец. Сел. Джарат Разданского района, 1957 г.

азербайджанцев, пастухам уделено значительно меньше места и не их подвиги воспеваются. Это объясняется, по-видимому, тем, что пастушеский труд не был здесь в особом почете¹⁰¹.

¹⁰¹ См. «Հայ ժողովրդական հեքիաթներ», т.т. I—VI, IX—X, Ереван, 1959—1968; Ա. Յ. Ղանիաճյան, указ. раб., Иосиф Ороелли, Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956 и др.

Значительный интерес представляет также экипировка пастуха. Этнографический материал показывает, что одежда пастухов мало чем отличалась от обыденной одежды армянского крестьянина, за исключением войлочной бурки (кулаб, япынджи)¹⁰² и меховой конической или войлочной шапки (папах, колоз), которые являлись обязательными компонентами экипировки пастуха, да и то только чабана, что объясняется как спецификой содержания мелкого рогатого скота, так и сложившейся традицией (рис. 13).

Как меховая или войлочная шапка, так и бурка надевались как в жару, так и в холод: в жару они оберегали пастуха от палящего солнца, а в холодное время—от дождя и снега. Войлочная бурка, распространенная в большинстве селений Восточной Армении, шилась в селениях местными портными, однако нередко приобреталась в готовом виде в городах и районных торговых центрах. Бурка обыкновенно была без рукавов; на шее она завязывалась шнурками, а с левой стороны были пришиты небольшой карманчик на подоле и петля на груди, где укреплялся пастушья посох.

Неотъемлемыми компонентами пастушеской экипировки были посох (копал, даганах, зохал, чомбах и др.) с насаженным крючком на конце или без него, а также походные переметные сумы (бапылыг), где хранили хлеб, сыр, необходимую посуду.

Сравнительный этнографический материал показывает, что экипировка пастухов у многих кавказских народов при наличии некоторых различий характеризовалась многими общими чертами, что объясняется не только и не столько существовавшими хозяйственно-культурными связями, сколько сходностью трудовых условий в ведении скотоводческого хозяйства и непрерывностью культурной преемственности.

¹⁰² «Кулаб»—курд., «бурка»; «япынджи»—азерб., «бурка». В средневековье употреблялся армянский термин «айценакач» (см. Ա. Ա. Արթուրյան, указ. раб. стр. 503).